

Victoria Schwab
Vicious

Виктория ШВАБ

МОСКВА
2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
ШЗЗ

Victoria Schwab
VICIOUS

Copyright © 2013 by Victoria Schwab

Разработка серии и иллюстрация
на переплете и форзаце *О. Закис*

Шваб, Виктория.

ШЗЗ Зло / Виктория Шваб ; [пер. с англ. Т. Л. Черезовой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-091510-1

История о ревности, страсти и суперсилах...

Виктор и Эли познакомились еще в колледже — гениальные, надменные и одинокие, они признавали только амбиции и интеллект друг друга. Став старше и разделив общую страсть к смертельно опасным опытам, они открыли теоретическую возможность приобретения сверхъестественных способностей. Но на практике все обернулось ужасающей катастрофой.

Десять лет спустя Виктор сбегает из заключения и пытается найти бывшего товарища, ставшего врагом.

Эли же преследует и уничтожает всех обладателей сверхспособностей. Теперь они, вооруженные суперсилами и подталкиваемые памятью о предательстве и потере, становятся непримиримыми врагами. Но чем закончится их дуэль и кто останется в живых?

Шваб создает грандиозный мир, совмещающий яркую стилистику комиксов и реализм нуара. Мир, в котором суперсилы не превращают тебя в героя и преданность ставится под сомнение.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Черезова Т., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-091510-1

*Посвящается Мириам и Холли,
которые снова и снова доказывали,
что они ЭкстраОрдинарные*

Жизнь — так, как она есть, — не борьба
между Плохим и Хорошим, но между
Плохим и Ужасным.

Иосиф Бродский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОДИЦА,
КРОВЬ
И ИНЫЕ
СУБСТАНЦИИ.

ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ
КЛАДБИЩЕ МИРИТА

Виктор поправил лопаты на плече и, осторожно перешагнув через старую, просевшую могилу, продолжил свой путь через кладбище Мирита. На ходу его широкий плащ чуть развеялся, он мурлыкал что-то себе под нос. Звук в темноте разносился словно ветер. Дрожая в своем мешковатом пальто, радужных легинсах и зимних сапогах, Сидни тащилась за ним. Походя на привидения, они пробирались по кладбищу: оба одинаково светловолосые и белокожие, так что их можно было бы принять за брата и сестру или, может, отца и дочь. Они не были родственниками, однако это сходство играло Виктору на руку: он ведь не мог рассказывать, что подобрал эту девчущку на обочине залитой дождем дороги всего несколько дней тому назад. Тогда он только что сбежал из тюрьмы. В нее только что стреляли и ранили. Каприз судьбы — по крайней мере, так это выглядело. На самом деле Сидни стала единственной причиной, по которой Виктор вообще начал верить в судьбу.

Он оборвал свое мурлыканье, поставил ногу на какую-то могильную плиту и всмотрелся в темноту. Не

столько глазами, сколько кожей — а вернее, тем, что ползало под ней, переплеталось с его пульсом. Пусть он и перестал напевать, само ощущение звука его не оставляло, синхронизируясь с тихим электрическим гулом, который только он способен был слышать, ощущать и интерпретировать. Этот гул сообщал ему, когда кто-то оказывался рядом.

Сидни заметила, что он чуть нахмурился.

— Мы одни? — спросила она.

Виктор моргнул, и его хмурость исчезла, сменившись привычным спокойствием. Он снял ногу с могильной плиты.

— Тут только мы и мертвецы.

Они прошли к центру кладбища. На ходу у Виктора на плече чуть постукивали лопаты. Сидни пнула ногой камень, отколовшийся от одной из самых старых плит. Она увидела, что на одной его стороне были выбиты буквы — обрывки слов. Ей захотелось узнать, что они говорят, но камень уже улетел в заросли, а Виктор быстро шагал мимо могил. Сидни побежала, догоняя его, и по дороге несколько раз чуть не упала, поскользываясь на замерзшей земле. Виктор остановился, глядя на одну из могил. Она была свежей: земля оставалась рыхлой, и в нее воткнули временную табличку, которую затем должно будет сменить каменное надгробие.

У Сидни вырвался тихий звук — болезненный стон, вызванный отнюдь не обжигающим холодом. Виктор оглянулся и адресовал ей кривую улыбку.

— Не вешай нос, Сид, — бросил он небрежно. — Будет весело.

По правде говоря, Виктору и самому кладбища не нравились. Он не любил мертвецов — в основном пото-

му, что никак на них не воздействовал. А вот Сидни, наоборот, не любила мертвецов именно потому, что очень заметно на них воздействовала. Сейчас она скрестила руки на груди и затаенными в перчатку пальцами терла то место на плече, куда попала пуля. Это начало становиться нервным тиком.

Виктор повернулся и вонзил одну из лопат в землю. Вторую он перебрросил Сидни, которая еле успела расцепить руки, чтобы ее поймать. Черенок лопаты был почти с ее рост. Сидни Кларк всего через несколько дней должно было исполниться тринадцать, но даже для двенадцати лет и одиннадцати месяцев она была мелкой. Она всегда была низенькой — и это еще усугубилось тем, что она всего на два сантиметра подросла с того дня, когда умерла.

Сидни вцепилась в лопату, морщась от ее тяжести.

— Ты что, шутишь? — сказала она.

— Чем быстрее будем копать, тем раньше вернемся домой.

Дом был не то чтобы домом, а номером в отеле, где хранилась краденая одежда Сидни, упаковки с шоколадным молоком для Митча и папки с бумагами Виктора, но это значения не имело. Значение имело только то, что домом было бы любое место... за исключением кладбища Мирита. Сидни уставилась на могилу, стискивая деревянный черенок. Виктор уже начал копать.

— А что, если... — сказала она, судорожно сглатывая, — что, если другие люди случайно проснутся?

— Не проснутся, — проворковал Виктор. — Просто сосредоточься на этой могиле. И потом... — Тут он на секунду перестал копать и поднял голову. — С каких это пор ты стала бояться трупов?

— А я и не боюсь! — огрызнулась она, чересчур поспешно и со всей решительностью девчонки, которая привыкла быть младшей сестрой.

Она и была младшей сестрой. Просто не Виктора.

— Смотри на это так, — поддразнил он ее, отбрасывая землю на траву, — если ты их и разбудишь, то уйти они никуда не смогут. Давай копай.

Сидни наклонилась, так что короткие светлые волосы упали ей на глаза, и начала копать. Они работали в темноте, и тишину нарушали только мурлыканье Виктора и глухой стук лопат.

Бух.

Бух.

Бух.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

ЛОКЛЕНДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Виктор ровной, прямой и жирной линией перечеркнул слово «чудо».

Бумага, на которой был напечатан текст, оказалась достаточно плотной, чтобы чернила сквозь нее не просачивались — если не нажимать слишком сильно. Он остановился, чтобы перечитать измененную страницу, и поморщился: один из металлических завитков кованой ограды Локлендского университета впился ему в спину. Это учебное заведение гордилось своей необычной атмосферой, соединившей в себе загородный клуб и готический особняк, однако причудливая решетка, окружавшая Локленд и долженствовавшая указывать как на эксклюзивность университета, так и на унаследованный из прошлого эстетизм, на самом деле оставалась претенциозной и душащей. Она напоминала Виктору изящную клетку.

Он передвинулся и удобнее пристроил книгу на колене, изумляясь ее размеру и рассеянно крутя маркер между пальцами. Это был самоучитель — последний из пяти — под авторством всемирно известных Докторов Вейл. Тех самых Вейлов, которые сейчас отправились с

лекциями за границу. Тех самых Вейлов, которые нашли в своем плотном расписании (а оно было таким даже до того, как они стали авторами бестселлеров по самосовершенствованию) немного времени, чтобы произвести на свет Виктора.

Он отлистал страницы назад, пока не добрался до начала своего последнего опуса, и начал читать. Впервые он вымарывал текст книги Вейлов не просто ради собственного удовольствия. Нет — он делал это ради зачета. Виктор невольно улыбнулся. Он испытывал глубочайшую гордость, препарируя родительские тексты, сводя многословные главы по самосовершенствованию к простым и пугающе действенным фразам. Он расчерчивал их так уже больше десяти лет (со своего одиннадцатого года жизни), однако до прошлой недели это нельзя было назвать чем-то настолько полезным, что принесло бы ему зачетные баллы. На прошлой неделе он забыл свой последний труд, уходя на ленч из художественной студии (Локлендский университет ввел обязательный курс изобразительного искусства даже для будущих врачей и ученых), а вернувшись, застал за ним своего преподавателя. Виктор ожидал получить выговор — лекцию относительно культурной недопустимости порчи литературы или, возможно, о материальных затратах на бумагу... Вместо этого преподаватель счел литературное разрушение искусством. Он, по сути, сам дал нужное объяснение, заполнив пробелы такими терминами как «самовыражение», «личность», «коллаж», «изменение формы».

Виктор только кивнул и подсказал идеальное слово для завершения преподавательского списка — «переписывание», и вот так определилась тема его выпускной работы.

Маркер с шипением прочертил очередную линию, зачеркивая несколько предложений в середине страницы. Колено начало неметь от увесистого тома. Если бы Виктору вдруг понадобилось самосовершенствоваться, он бы поискал тоненькую простую книжицу, форма которой соответствовала бы в ней заявленному. Возможно, некоторым нужно что-то большее. Возможно, некоторые ищут на полках самый внушительный том, считая, что большее количество страниц обеспечит большую эмоциональную или психологическую поддержку. Он пробежал взглядом по словам и улыбнулся, отыскав еще один отрывок, который можно зачернить.

К моменту, когда прозвучал первый звонок, возвещающий об окончании его электива по изобразительному искусству, Виктор превратил родительские лекции о том, как следует начинать день, в следующее:

«Пропадите. Сдайтесь. Бросьте... в итоге было бы лучше отступить, не пытаясь. Пропадите. Исчезните. И вас не будет волновать, отыщут ли вас вообще».

Ему пришлось вычеркивать целые абзацы, чтобы добиться нужного результата. После того как он случайно вычеркнул «вообще», ему пришлось долго искать повторение этого слова. Однако результат того стоил. Черные страницы, протянувшиеся между «отыщут ли», «вас» и «вообще», придавали фразе нужное ощущение заброшенности.

Виктор услышал чьи-то шаги, но не стал поднимать голову. Он перелистнул страницы до конца книги, где занимался другим проектом. Маркер вычеркнул еще один абзац, строка за строкой; звук был неспешным и ровным, словно дыхание. Один раз он даже изумился тому, что родительские книги действительно помогают ему самосовершенствоваться — хоть и не так, как это